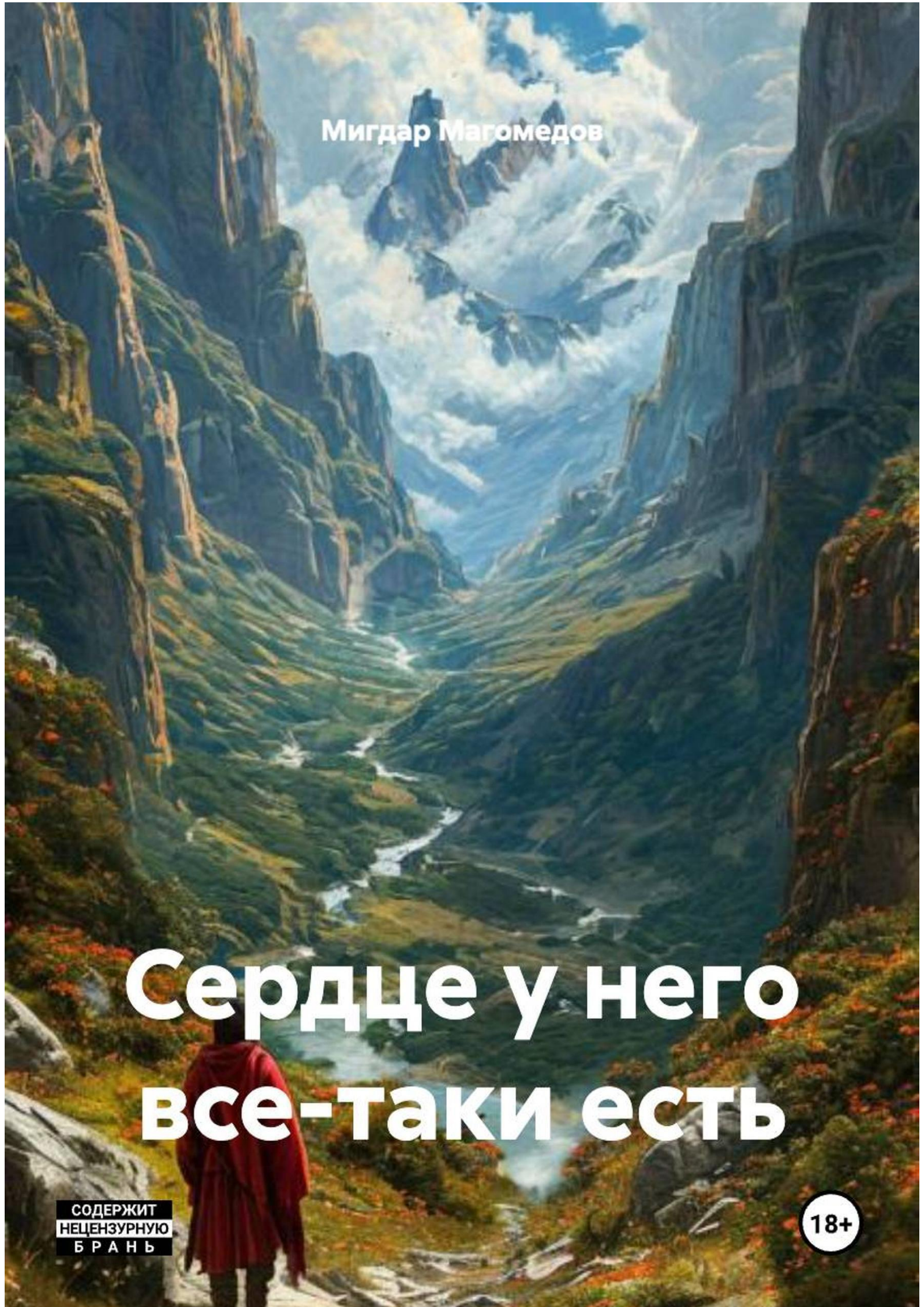

Мигдар Магомедов

Сердце у него все-таки есть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мигдар Магомедов

Сердце у него все-таки есть

«Автор»

2026

Магомедов М.

Сердце у него все-таки есть / М. Магомедов — «Автор», 2026

Рассказ о вечной битве человека, с тем, над чем человек не имеет абсолютно никакой власти. О вечной битве человека и жизни.

© Магомедов М., 2026

© Автор, 2026

Мигдар Магомедов

Сердце у него все-таки есть

Автобиография: «Сердце у него все-таки есть».

Я пустослов. В этом каюсь истинно. По приезду в свой родной город, три недели пролетели, как одна и безделье меня затопило. В какое-то дикое и непонятное состояние уносились душа и мозг, как только руки начинали писать или печатать, состояние то было ленью, хитрой ленью, которая придумывала все более изощренные оправдания, чтобы не браться за работу. Поначалу мне было выгодно ссылаться на жару, от которой я отвык за год службы в армии. После меня затянула трясина прелестей постоянных гуляний. Запах праздничных дней, полупустой ночной город, наполнили меня свободой, от которой я сам лично отрекся ровно год назад. Друзья, кальянные, купание в море под луной, океан красивых девушек не отпускали падкую на соблазн грешную душу. Не было ничего прекрасней того, как чувствовать вседозволенность снова. Но перед сном я начинал вновь и вновь, изо дня в день все больше и больше ненавидеть себя. Совесть моя, приходящая исключительно ночью, беспощадно терзала, напоминая, что я не человек, что имея мечту я не делаю ничего, чтобы хотя бы на шаг приблизиться к ней. Но обедом, в то время, когда работающий над собой и где-то работающий человек, уже успевали устать, я позволял себе только проснуться. Предательская совесть, которая даже стирала память о себе, оставляла меня опять один на один с желаниями и соблазном. Битва эта считалась досрочно проигранной. Так как чаша была испита не до конца и мне хотелось снова и снова утопать в беспросветном омуте. Ведь жизнь, не имеющая забот, прекрасная жизнь.

А путословом нарек себя по той причине, что клятва самому себе, данная в момент, когда оставалось служить самую длинную неделю в жизни, потому что та была последняя неделя службы. Клятва, в которую поверил и душой, и сердцем, оказалась пустым словом. В армии мне мешала писать безвольность, а за пределами стен, огражденных колючей проволокой, взяла верх свобода, наполненная пустотой.

И в одну, без преувеличений, прекрасную ночь, когда совесть заняла все рубежи и у лени не оставалось аргументов, я начал писать. Кофе воспалял мой и без того больной зуб, а сигарета успокаивала. Но не то и не другое никак не способствовали появлению вдохновения. И мысль, о чем же писать, подкидывала тысячи идей, но нужна была деталь объединяющая, афоризм всей моей жизни. И без капли сомнений я принял мысль, которая гласила, что этим афоризмом являются стихи.

Писать я начал очень рано, признаться, то был детский лепет, но и он передавал мои переживания и волнения. Стихи это единственное, что я дописывал и что так или иначе меня воспитывали. Никогда не ставил название в начале стихотворения, ибо эта рамка, которую придется обязательно нарушить. Хотя проходя подготовительные курсы во ВГИКе, путем практики я осознал полезность рамок, когда изначально ставя немую небольшую сценку, мы, преследуя цель быть понятыми и в то же время оригинальными, и пытая мозг бесконечными идеями, плыли по реке и в конце приплывали к истоку, к тому самому озарению, которое обжигало наше тщеславие и самолюбие, но не без повода, потому что конечная идея собирала в себе все лучшее из предыдущих и сплетало во едино тонкой нитью. И эта нить, была той самой оригинальностью, и алый цвет ее бросался в глаза и каждым зрителем воспринимался исключительно, как цвет алый. Но стихи не нуждались в определенной теме. Недовольная душа заставляла брать ручку и писать под ее диктовку. Я покорно все исполнял.

Касаемо детского лепета и когда этот лепет принимался, как что-то серьезное, скажу одно. То было прекрасное время. Жили мы тогда бедно, мне было лет восемь, но нищета меня никак не беспокоила. Писал часто о природе, о зиме, которую так сильно любил и которая, к сожалению, в Дагестане не такая снежная, о какой всегда мечтал. Школу не посещал, хотя

в шесть лет отдали меня в президентскую гимназию, как умного мальчика, по замечанию и наблюдению воспитательниц садика. Надежд не оправдал, по окончании второго класса меня выгнали за частые прогулы. Выгнали с позором и со свистом. Тот торжественный эпизод жизни помню, как сейчас. Окна моей комнаты смотрели на футбольную площадку, которая находилась на школьном дворе, где собрались равнодушные одноклассники и одноклассницы. Было это в тот день когда меня и выгнали, собрались и на раз, два, три, начали кричать: «Мигдар двоечник», кричали около десяти минут. По своей ли инициативе или нет, не могу сказать, потому что ни одной учительницы в той толпе я не увидел. Но как бы то не было, в тот день меня охватило полное негодование. Замкнутым человеком вроде не являлся, отклонений никаких не имел, со многими хорошо общался, потому был больше разочарован, чем обижен. Исходя из этого, к вечеру на веру было принято умозаключение, что все они трусы и подхалимы. В угоду какой-нибудь учительнице, которая отдала приказ, оркестр недоумков, без самого дирижера, отлично выполнил свое дело. Самое обидное было то, что среди веселых лиц, той безвольной публики, мелькало лицо человека, которого я считал другом. Без стыда и смущения, уподобившись остальным, он повторял «Мигдар двоечник». Эгоистичный и самовлюбленный-я посвятил ему тогда несколько строк.

«Сбежав с английского, с окна,
С Исламом мы сидели у школьного двора,
И мною данное слово я сдержал,
С того момента английский я не посещал.
Ислам же оказался трус,
Трусы мне не друзья.
Над трусами я лишь смеюсь.»

После излития души листку, обида все же не отпускала. Решив, что такого рода оскорбление с его стороны прощать нельзя, я грезил о мести. На следующий день, подключив моего более надежного друга, Самеда, мы пошли к Исламу, вершить правосудие. Тот оказался сильнее меня и друга и нам обоим хорошо тогда досталось. Найдя палки, камни, мы бросились на него второй волной и нас ожидал успех, он в слезах побежал за нами со своего двора до нашего. Жарило летнее солнце, я и товарищ в поту смеясь убегали, оставляя позади улицы, перекресток, мечеть, ряд магазинов. Добежав до углового гастронома, где местная шпана штучно покупала сигареты, на пустом и пыльном участке мы избили его повторно. Тогда Ислам, в слезах, но уже один, прошел мимо все тех же магазинов, мечети, не обращая внимания на машины пересек перекресток и больше не появлялся. Мы же, купив по мороженому и по сигарете, сидели на крыше и смеялись переигрывая поведение заплакавшего Ислама.

Двор наш находился около единственного в городе общежития, где был собран всякий сброд: наркоманы, уголовники, воры и хулиганы. С некоторыми из хулиганов мы дружили, были среди них добрые парни. Но это не избавляло нас от постоянных передраг, когда сын какого-нибудь уголовника, воспитанный на блатной романтике, пытался нас притеснить. Так, например, на крыше, около дерева на котором только созревали плоды инжира, а ветви которого обняли крышу и заняли значительную ее площадь, спрятавшись под теми самыми ветвями, чтобы нас не увидели родители; я, пару хулиганов из общаги и Самед, мирно курили самокрутку. Но мирная деятельность была нарушена, когда мы услышали, что кто-то лезет на крышу. Приподняв широкий листок инжирного дерева, я увидел незнакомца и на вопрос друзей, которые не видели кто залез, пожал плечами. Это был мальчишка из общежития, он был намного старше нас. Узнав растерянные лица парней из общаги, он окрылился и нагло начал: «а малолетки, есть че покурить?» мы ему показали единственную самокрутку на четверых. Он сморщил кислую гримасу и ответил: «понятно». Видать в тот день ему было очень скучно, и он как-то не смешно шутил, острил, оскорблял нас. Особо долго терпеть никто не стал, мы накинулись на него все четверо, и он, угрожая и плача, спустился с крыши. Карма не заста-

вила себя долго ждать. Выходя из магазина, куда мы только сдали бутылки, а в замен получили баклажку холодного лимонада, увидели парней из общаги. Друзья того остряка, вместе с ним накинудись на нас. Ссылаться на то, что мы младше и жалеть никто не стал, разбитые носы и губы были тому подтверждением. Долго не думая, выловив каждого по отдельности у подъезда, мы совершали акт возмездия. После, готовились к худшему. Провожали друзей из общежития до дома, проверяли подъезды перед тем как зайти, но никто не мстил. В один из вечеров, когда я и Самед, проводив товарищей, возвращались обратно, заметили у гастронома одного из обидчиков. Увидев нас он ухмыльнулся. Когда же мы сравнялись с ним, он сам протянул руку. Драться было не выгодно и подло, тогда мы приняли его жест мира и поздоровались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.